

Сергей Патрушев

**Куб
бесконечности**

Сергей Патрушев

Куб бесконечности

<https://litres.ru/74393004>

SelfPub; 2026

Аннотация

Куб бесконечности — философская притча о природе выбора, памяти и реальности. Герой просыпается в идеально белой комнате без дверей и окон. В центре загадочный чёрный матовый Куб. Каждая его грань — не отражение, а портал в одну из непрожитых жизней: жизнь, где он остался и стал отцом; где добился успеха ценой одиночества; жизнь его несуществовавшего брата; пустота небытия; утопия, лишённая искусства и смысла.

Каждое прикосновение к грани стирает память о предыдущей реальности, заставляя героя проживать чужие судьбы и чувства. Постепенно он теряет собственную идентичность, сливаясь с множеством своих «я». Куб оказывается не просто артефактом, а существом (или обществом), свернувшим само время. Герой вступает в диалог с Кубом, пытаясь понять, существует ли свобода воли или всё предопределено.

Перед ним встаёт выбор: остаться в иллюзорных мирах, вернуться в кому или раствориться в абсолютном знании, став частью Куба. Но, возможно, именно в растворении скрыт путь к подлинному себе.

Содержание

Глава 1. Комната без дверей	4
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Патрушев

Куб бесконечности

Глава 1. Комната без дверей

Тишина была не просто отсутствием звука. Она была физической величиной, плотной, как вата, пропитанная эфиром, и тяжелой, словно толща воды на дне океана. Я открыл глаза, и первое, что я ощутил — не свет, не холод пола, а именно эту всепоглощающую, давящую на барабанные перепонки тишину. Она была настолько глубокой, что я, кажется, слышал, как по моим венам, шипя и пульсируя, течет кровь. Этот звук — если его можно было назвать звуком — напоминал далекий шум прибоя, записанный на испорченную пленку. Ритмичный, влажный, механический. Я слышал свое сердце. Оно билось ровно, размеренно, словно метроном, отсчитывающий секунды моего пребывания в этом месте. Но сколько этих секунд уже прошло? И сколько еще пройдет?

Время — странная субстанция. Мы привыкли измерять его часами, минутами, секундами, но на самом деле время — это не стрелки на циферблате, а последовательность собы-

тий, которую мы воспринимаем. Время без событий — это парадокс. Это как река без воды, как огонь без жара. В этой комнате не было событий. Был только я, лежащий на полу, и мое сердце, отсчитывающее удары в пустоту. Каждый удар был событием. Каждый удар создавал время. Значит, время шло, пока билось мое сердце. А если оно остановится, время остановится вместе с ним?

Мысль о смерти пришла не как страх, а как философский вопрос. Если я умру здесь, в этой комнате, узнает ли кто-нибудь об этом? Изменится ли что-нибудь в мире? Если дерево падает в лесу, и рядом никого нет, издает ли оно звук? Если человек умирает в одиночестве, и никто об этом не знает, была ли его жизнь? Эти вопросы были стары как мир, но сейчас они обрели для меня плоть и кровь. Я был этим деревом. Я был этим человеком. Я был событием, которое никто не наблюдает.

Я лежал на спине, раскинув руки в стороны, словно морская звезда, выброшенная на берег. Поверхность подо мной была гладкой и прохладной, но не обжигающей. Это был не камень и не пластик. Материал казался живым, дышащим, но в то же время совершенно инертным. Проведя ладонью по полу, я не нащупал ни единой пылинки, ни одной неровности. Идеальная плоскость, уходящая в бесконечность. Или, по крайней мере, до стен, которые терялись в мягком, рас-

сеянном свете.

Сделав первый вдох, я почувствовал, как воздух наполняет легкие. Он был стерильным, лишенным каких-либо запахов. Ни пыли, ни влаги, ни аромата жизни. Так, наверное, пахнет вакуум, если бы вакуум можно было вдохнуть. Воздух не имел вкуса. Он был как дистиллированная вода — чистый, но совершенно безжизненный. Вдыхая его, я словно пил пустоту. И эта пустота проникала в каждую клетку моего тела, заполняя меня изнутри, вытесняя остатки воспоминаний, которые еще цеплялись за края сознания.

Запах — это память. Говорят, что обоняние — самое древнее чувство, напрямую связанное с теми областями мозга, которые отвечают за воспоминания. Один вдох знакомого аромата может перенести человека в детство, на кухню бабушки, в сад после дождя. Но здесь не было запахов. И это значило, что здесь не было памяти. Или, точнее, здесь не было того, что могло бы пробудить мою память. Мое прошлое было спрятано за завесой амнезии, и ничто в этой стерильной атмосфере не могло пробить эту завесу.

Я сел, подтянув колени к груди. Движения давались с трудом, словно мои мышцы атрофировались за время долгого сна. Каждое сокращение отдавалось тянущей болью, как после изнурительной тренировки. Но я не чувствовал устало-

сти. Наоборот, тело было наполнено странной энергией, вибрирующей на грани восприятия. Эта энергия не имела источника, она просто была, как есть свет в этой комнате — повсюду и ниоткуда одновременно.

Оглядевшись, я понял, что нахожусь в идеально белом пространстве. Пол, стены, потолок — всё сливалось в единую, бесшовную сферу, лишенную углов и линий, если не считать одного-единственного объекта, расположенного в геометрическом центре.

Куб.

Он стоял на полу, черный, матовый, поглощающий свет. В этой стерильной белизне он казался не просто предметом, а дырой в реальности, сгустком абсолютного ничто. Его поверхность не отражала света, исходящего, казалось, ниоткуда. Он просто был. Молчаливый. Чужой. Окончательный.

Белое и черное. Два полюса, две крайности, две противоположности. Вся человеческая культура построена на этом дуализме. Свет и тьма, добро и зло, жизнь и смерть, инь и ян. Мы не можем помыслить одно без другого. Мы не можем понять свет, не увидев тьму. Мы не можем осознать добро, не столкнувшись со злом. И вот я был помещен в самую середину этого противостояния. В белую комнату с черным ку-

бом. В идеальный баланс, где две силы уравнивали друг друга.

Но что символизировал Куб? Он не был злом. Он не был тьмой в моральном смысле. Он был просто черным. Черным, как отсутствие, как пустота, как ноль, из которого начинается отсчет. Или как бесконечность, в которой заканчивается любой отсчет. Черный цвет — это не цвет, а его отсутствие. Белый — это смешение всех цветов. Я был окружен всеми возможностями, сжатыми в единую белизну, а передо мной стояло ничто, сгустившееся до формы куба.

Я не мог определить его размеры. Когда я смотрел на него, мне казалось, что он небольшой — не больше метра в высоту. Но стоило отвести взгляд или моргнуть, как периферийное зрение ловило его изменившиеся пропорции. Иногда он вырастал до размеров человека, иногда сжимался до размеров детской игрушки. Но в центре поля зрения он всегда оставался неизменным. Это было первое правило этого места: то, на что ты смотришь, обретает форму. То, на что ты не смотришь, существует вне измерений.

Это было похоже на квантовую физику. Электрон существует как волна вероятности, пока его не наблюдают. Но стоит направить на него детектор, как волна схлопывается в частицу, в конкретную точку пространства. Наблюдение

определяет реальность. Без наблюдателя нет определенности. И я был этим наблюдателем. Я был тем, кто своими глазами придавал Кубу форму. Но кто тогда придавал форму мне?

Я был и наблюдателем, и наблюдаемым. Я был системой, замкнутой на саму себя. Я смотрел на Куб, Куб смотрел на меня. Или, точнее, я смотрел на себя через Куб. Потому что в этой комнате не было других зеркал. Не было других отражающих поверхностей. Куб был единственным, что не было мной. И в то же время он был единственным, что могло меня определить.

В философии есть концепция Другого. Другой — это не просто другой человек. Это тот, кто видит меня со стороны, кто дает мне мое имя, кто подтверждает мое существование. Без Другого я не могу быть собой. Я не могу сказать «я», если нет «ты». Самосознание рождается из встречи с иным. Ребенок учится говорить «я», когда понимает, что есть «не-я» — мир, мать, предметы. Мое «я» было растворено в белизне, потому что у меня не было точки отсчета. Куб был этой точкой. Черной точкой в белом ничто. Началом координат.

Куб был абсолютно черным. Не просто темным, а именно черным — настолько, что глаз отказывался фокусироваться на его гранях. Свет, падающий на его поверхность, не отра-

жался, а исчезал, словно проваливаясь в бездонный колодец. Это была чернота, которая не имеет ничего общего с отсутствием света. Это была чернота, которая сама по себе является субстанцией. Плотная, осязаемая, почти живая. Казалось, если прикоснуться к ней, пальцы увязнут, как в смоле, и она затянет тебя внутрь, в свою бесконечную глубину.

Я не решался приблизиться. Страх пришел не сразу. Сначала было недоумение, смешанное с вязким, липким любопытством. Где я? Мысль была простой, но ответ на нее отсутствовал в моей голове, как вырванная страница. Я попытался ухватиться за край сознания, за последнее воспоминание, за образ, который предшествовал пробуждению.

Пустота.

Точнее, не совсем пустота. Там было что-то, похожее на белую пелену, на экран, залитый светом, но лишенный изображения. Я помнил ощущение движения. Помнил, что существовало некое «до». Но что это было за «до»? Улица? Дом? Лица людей?

Память — это то, что делает нас теми, кто мы есть. Уберите у человека память — и он перестанет быть собой. Он станет другим человеком, живущим в том же теле. Или вообще перестанет быть человеком в привычном смысле, ста-

нет чистым сознанием, свободным от прошлого. Но свобода от прошлого — это и свобода от себя. Потому что «я» — это сумма всего, что я помню. Мои радости, мои боли, мои ошибки, мои победы — всё это составляет мою идентичность.

Но что, если память вернется? Что, если амнезия — это только временное состояние, и где-то в глубине моего мозга спрятаны все ответы? Я не чувствовал их присутствия. Я не чувствовал, что во мне есть какая-то скрытая комната, запертая дверь, за которой лежат мои воспоминания. Мое прошлое было не спрятано. Оно было стерто. Или я родился только что, в момент пробуждения, уже взрослым, но без истории.

Быть взрослым без истории — это как быть книгой без текста. Переплет есть, страницы есть, но они пусты. Читатель открывает книгу и не находит в ней ничего. Так и я: я открывал свою память и не находил в ней ничего. Только белизну. Только пустоту. Только комнату, в которой я лежал.

Я попытался воспроизвести в памяти хотя бы одно лицо. Любое. Мать, отца, друга, врага, случайного прохожего. Ничего. Вместо лиц — размытые пятна, как на акварельной бумаге, на которую капнули водой. Контуры расплывались, черты исчезали, и оставалась только пустота.

Лицо — это самое индивидуальное, что есть у человека. По лицу мы узнаем друг друга. Лицо — это окно в душу, как говорят поэты. Но что, если все лица стерты? Что, если я не могу вспомнить ни одного лица, потому что не знал ни одного человека? Что, если я всегда был один, и мое одиночество — не случайность, а сущность?

Эта мысль была невыносимой. Я отогнал ее. Нет, у меня были люди. Я знал это интуитивно, знал той частью своего существа, которая не зависит от памяти. Я чувствовал, что в моей жизни были другие. Были прикосновения, были разговоры, были взгляды. Но всё это было за пределами досягаемости, как сон, который тает при пробуждении.

Я напряг память, пытаюсь вытащить из небытия хотя бы звук собственного имени. Это усилие отозвалось тупой болью в висках. Мое имя... Я знал, что оно у меня есть. Я знал, что я — это я, но идентификация ускользала. Оставался только чистый субъект, наблюдатель, заключенный в оболочку тела, о котором он ничего не помнит.

Имя — это ярлык, который вешают на тебя другие люди. Это способ отличать одного человека от другого в толпе. Но что происходит, когда толпа исчезает? Когда нет никого, кто мог бы произнести твое имя, кто мог бы окликнуть тебя на

улице, кто мог бы написать его в письме? Имя становится пустым звуком. Оно теряет смысл, как слово, повторенное тысячу раз. Имя существует только в контексте отношений. А у меня больше не было отношений. У меня не было контекста. У меня не было имени.

Но, может быть, это и есть свобода? Свобода от имени, свобода от ролей, свобода от ожиданий? Что, если я был освобожден от всего, что меня определяло? Что, если амнезия — это не наказание, а дар? Дар чистой возможности. Дар начать всё с нуля. Дар быть кем угодно.

Но кем? Вот в чем вопрос. Свобода без ограничений — это не свобода, а проклятие. Если я могу быть кем угодно, значит, я никто. Если я могу пойти куда угодно, значит, мне некуда идти. Бесконечный выбор парализует. Это как стоять перед полкой с тысячей книг и не знать, какую выбрать. В конце концов, ты не выбираешь ни одну.

Я поднес руки к лицу. Это были мои руки. Я узнавал их форму, линии на ладонях, коротко остриженные ногти. Но они казались чужими, словно я смотрел на манекен. Я сжал пальцы в кулак. Мышцы послушно сократились. Я чувствовал давление ногтей на кожу ладони. Значит, тело функционирует. Но кто тот, кто отдает ему команды?

Тело и разум. Дуализм, который мучил философов на протяжении веков. Декарт считал, что тело — это машина, управляемая разумом. Но что, если разума нет? Что, если есть только тело, и это тело само решает, как двигаться? Что, если мое сознание — это просто наблюдатель, который смотрит на действия тела, как на фильм, не имея возможности вмешаться?

Я пошевелил пальцами. Они двигались. Но кто отдал команду? Я? Или мой мозг, который работает независимо от моего «я»? Вопрос о свободе воли — один из самых сложных в философии. Мы верим, что свободны, но, возможно, мы лишь марионетки, дергающиеся за ниточки нейронов и гормонов. В этой комнате вопрос свободы воли стоял особенно остро. Потому что единственное, что я мог контролировать, — это мое тело. Но даже этот контроль был иллюзией.

Руки — это инструмент. Они созданы, чтобы хватать, держать, ласкать, бить. Но что они должны делать здесь, в этой пустой комнате? Они бесполезны. Я бесполезен. Вся моя физическая форма, все мои мышцы, кости, нервы — всё это не нужно здесь. В этом пространстве нет ничего, что требовало бы физического взаимодействия. Кроме Куба.

Куб был единственной точкой приложения силы. Единственным объектом, который можно было потрогать, уда-

рить, обнять. И от этого осознания мне стало не по себе. Что, если именно этого от меня и ждут? Что, если комната спроектирована так, чтобы вынудить меня взаимодействовать с Кубом? Что, если это ловушка?

Но чья ловушка? Кто мог меня сюда поместить? И зачем?

Я отбросил эти мысли. Они заводили в тупик. Сначала нужно понять, кто я такой. Всё остальное — потом.

Я начал исследовать свое тело. Это было странное занятие — ощупывать самого себя, словно незнакомый предмет. Я провел ладонями по лицу. Высокий лоб? Да, кажется. Скулы? Выступающие. Нос? Прямой, с небольшой горбинкой, нащупанной кончиками пальцев. Губы? Сухие, потрескавшиеся. Я облизал их. Вкус — соленый. Значит, я потею. Значит, мне жарко? Или страшно?

Страх — это древний механизм, встроенный в нас эволюцией. Страх защищает нас от опасности, заставляет бежать или сражаться. Но что делать, когда бежать некуда и сражаться не с кем? Страх без объекта — это ужас. Ужас перед неизвестностью, перед пустотой, перед самим существованием. Я испытывал именно такой ужас. Он не парализовал меня, но делал каждое движение осознанным, медленным, осторожным. Я боялся, что любой мой шаг может привести

к непредсказуемым последствиям.

Я провел рукой по волосам. Короткие, жесткие, словно щетина. Военная стрижка? Или просто так удобнее? Я не помнил. Одежда на мне была простой: свободная рубаша из грубой ткани и такие же штаны. Никаких карманов, никаких пуговиц, никаких этикеток. Просто серая бесформенная материя, скрывающая тело. Я не мог определить, из чего она сделана. Она не мялась, не пахла, не шуршала. Она просто была на мне, как вторая кожа.

Одежда — это тоже способ идентификации. По одежде мы судим о человеке, о его статусе, о его вкусе. Но моя одежда была нейтральной. Она не говорила ничего. Она была как униформа, как мешок, в который меня завернули. Я был обезличен не только изнутри, но и снаружи.

Босые ноги касались прохладного пола. Я пошевелил пальцами. Они двигались нормально. Тело слушалось. Но кто отдавал команды? Мозг? Сознание? Или что-то другое?

В философии есть старый вопрос: если дерево падает в лесу, и рядом никого нет, издает ли оно звук? Звук — это волна, но восприятие звука — это работа уха и мозга. Без наблюдателя нет феномена. Теперь этот вопрос приобрел для меня буквальный, животный смысл.

Что есть «Я», если нет никого, кто мог бы подтвердить мое существование?

Я смотрел на черный куб, и мне казалось, что он смотрит на меня. В этой комнате не было зеркал, не было отражающих поверхностей. Я не мог увидеть своего лица. Я существовал только как внутренний монолог, как голос в голове, который комментировал происходящее. Но достаточно ли этого?

Внутренний монолог — это диалог с самим собой. Но кто говорит и кто слушает? Если я говорю с собой, значит, во мне есть по крайней мере двое: тот, кто говорит, и тот, кто слушает. Но кто из них настоящий «я»? Тот, кто формулирует мысли, или тот, кто их воспринимает? Или оба, и «я» — это процесс, а не субстанция?

Если «я» — это процесс, то он может прерваться. Если я перестану думать, я перестану существовать? Мыслю, следовательно, существую. Это знаменитое утверждение Декарта. Но что, если мысль исчезнет? Что, если я останусь без мыслей, только с ощущениями? Буду ли я тогда существовать?

Я попытался остановить мысли. Это было трудно. Мысли текли непрерывно, как река, и остановить их было так

же невозможно, как остановить воду голыми руками. Но на мгновение мне удалось. Я сосредоточился на дыхании, на ощущении воздуха, входящего и выходящего из легких. Мысли отступили. И в этот момент я почувствовал себя странно. Я был. Я существовал. Но я не знал, кто я.

Быть без мыслей — это быть без «я». Это состояние чистого присутствия, чистого бытия. Это то, к чему стремятся мистики и медитирующие. Но для меня это было не просветление, а ужас. Потому что я не хотел быть чистым бытием. Я хотел быть собой. Я хотел быть кем-то. А для этого нужны мысли. Нужны воспоминания. Нужен Другой.

Если меня никто не видит, не слышит, не помнит — существую ли я вообще? Или я стал просто функцией этой комнаты, ее неотъемлемой частью, как сам Куб? Возможно, я такая же декорация. Возможно, я появился здесь только для того, чтобы Куб не был одинок. Чтобы у него был наблюдатель. Чтобы кто-то зафиксировал его существование.

Но кто тогда наблюдает за мной?

Я попытался закричать.

Звук родился в гортани, но тут же умер. Белые стены, казалось, пожирали его, не давая эха. Ни один мускул не

дрогнул в ответ. Крик, который должен был разорвать тишину, лишь подчеркнул ее абсолютность. Мой голос прозвучал глухо и жалко, как писк мыши в бескрайней степи.

Эхо — это отражение звука от препятствия. Это возвращение волны, подтверждение того, что ты существуешь, что твой голос достиг чего-то материального. Но здесь не было эха. Стены не отражали звук. Они его поглощали, как Куб поглощал свет. Я кричал в пустоту, и пустота молчала в ответ.

Тишина — это приговор. Если никто не отвечает, твой голос перестает быть средством коммуникации. Он становится просто шумом, производимым биологическим организмом. Я перестал кричать. В этом не было смысла.

Крик — это призыв о помощи. Это сигнал, который должен привлечь внимание. Но здесь не было никого, кто мог бы услышать. Мой крик был бесполезен. Он был как молитва, обращенная к богу, который не слушает. Или к богу, которого нет.

Бог. Я не знал, верю ли я в Бога. Я не помнил этого. Но в этой комнате вопрос о Боге вставал сам собой. Потому что эта комната была как мир. Замкнутый, самодостаточный, управляемый непонятными законами. И я в ней был как че-

ловек, брошенный в этот мир без инструкции. Без карты. Без объяснений.

Если Бог есть, то почему Он оставил меня здесь? Если Бога нет, то кто создал эту комнату? Или она существовала всегда, как существует вселенная, не имеющая начала и конца? Вопрос о происхождении мира — один из самых древних. Но сейчас он был не абстрактным. Он был личным. Потому что мир, в котором я оказался, был этой комнатой. И я не знал, кто ее создал и зачем.

Я встал. Ноги держали меня хорошо, но походка была неуверенной, словно я заново учился ходить. Пространство комнаты было обманчивым. Она казалась небольшой, но когда я шел к стене, расстояние словно растягивалось. Или, может быть, это мое восприятие играло со мной злую шутку?

Восприятие — это единственное, что у меня осталось. Зрение, слух, осязание — всё это работало. Но можно ли доверять восприятию, когда нет никакой внешней точки отсчета? Когда нет линейки, нет часов, нет другого человека, с которым можно было бы сверить впечатления? Я был единственным свидетелем этой комнаты. И мое свидетельство могло быть ложным.

Может быть, комната не такая, какой я ее вижу. Может

быть, она не белая, не пустая, не стерильная. Может быть, это мой разум проецирует на нее эту белизну. Может быть, на самом деле я нахожусь в каком-то другом месте, а эта комната — галлюцинация, порожденная моим поврежденным мозгом.

Но если это галлюцинация, то она слишком реальна. Я мог чувствовать пол под ногами, воздух в легких, тепло собственного тела. Эти ощущения были слишком яркими, слишком детальными, чтобы быть просто иллюзией. Или мой мозг был способен создавать такие иллюзии?

Вопрос о реальности — еще один древний философский вопрос. Как мы знаем, что мир, который мы воспринимаем, действительно существует? Как мы знаем, что мы не во сне? Как мы знаем, что мы не мозги в банке, которым подают электрические импульсы, симулирующие реальность? В этой комнате эти вопросы перестали быть академическими. Они стали вопросами выживания.

Я шел и шел, но стена не приближалась. Казалось, я топчусь на месте, как бегун на беговой дорожке. Но вот я сделал еще шаг — и внезапно стена оказалась прямо передо мной. Я протянул руку и коснулся ее.

Материал был странным. Не пластик, не камень, не шту-

катурка. Он был теплым, как человеческая кожа, и таким же гладким. Я надавил сильнее. Стена не поддавалась. Она была монолитной. Но тепло — это была жизнь. Или имитация жизни. Что, если вся комната — это живой организм? Что, если я нахожусь внутри какого-то существа?

Я отдернул руку. Эта мысль была слишком отвратительной. Нет, это просто стена. Просто стена в комнате без дверей. Нужно сохранять рассудок. Нужно мыслить логически.

Но что такое логика в мире, где нет причин и следствий? Где нет прошлого и будущего? Где есть только белое пространство и черный куб? Логика — это инструмент, созданный для описания мира. Но если мир изменился, то и логика должна измениться. Или, по крайней мере, я должен быть готов к тому, что мои старые логические схемы здесь не работают.

Я обошел комнату по периметру, ведя рукой по стене. Ни одного шва, ни одной трещины. Только идеальная белая плоскость, уходящая вверх и смыкающаяся с потолком. Я запрокинул голову. Свет лился отовсюду, но источников не было видно. Светился сам воздух, сама материя стен. Это сводило с ума.

Свет без источника — это парадокс. Это нарушение зако-

нов физики. Но, возможно, законы физики здесь не действуют. Возможно, я нахожусь в месте, где реальность подчиняется другим правилам. Правилам, которые мне еще предстоит узнать.

Дверей не было. Окон не было. Ничего.

Оставался только Куб.

Я вернулся в центр, чувствуя, как нарастает паника, смешанная с абсурдным интересом. Куб был единственной точкой отсчета, единственным якорем в этом стерильном безумии. Он был черным настолько, что глаз отказывался фокусироваться на его гранях. Казалось, он не трехмерный, а плоский, как вырезанная из бумаги фигура, но при этом обладал массой. Я ощущал его присутствие физически — как давление на грудную клетку, как гул на грани слышимости, как вибрацию, проникающую в кости.

Куб — это символ. В разных культурах куб означает разные вещи. В исламе Кааба — это черный куб, к которому обращаются мусульмане во время молитвы. В иудаизме святая святых — это куб. В платоновской философии куб — это символ земли, стабильности, материи. Куб — это форма, которая символизирует завершенность, полноту, совершенство. Все стороны равны, все углы прямые. В кубе нет ниче-

го лишнего.

Но мой куб был черным. Черный куб — это уже не символ стабильности. Это символ тайны. Это Кааба, но не как объект поклонения, а как объект страха. Это святая святых, но без божественного присутствия. Это материя, но сгустившаяся до такой степени, что стала антиматерией.

Я сел перед ним на корточки. Инстинкт самосохранения шептал: «Не трогай». Но кто такой этот инстинкт? Разве он не является частью моего прошлого опыта, который я утратил? Если у меня нет опыта, я не могу знать, что опасно, а что — нет. Остается только чистая логика. А логика подсказывала: единственный способ понять, где я, — это взаимодействовать с единственным объектом, который здесь есть.

Но что-то удерживало меня. Какая-то глубинная, животная часть моего существа, которая знала больше, чем я мог вспомнить. Она кричала: «Не приближайся!» Она чувствовала опасность, исходящую от этого черного монолита. Опасность не физическую, а экзистенциальную. Угрозу не телу, а душе.

Душа. Есть ли она у меня? Если я не помню своего имени, своих близких, своей жизни — что остается? Набор рефлексов, инстинктов, языковых конструкций. Оболочка без

содержимого. Сосуд, из которого вылили воду. Или не вылили, а просто забыли наполнить?

Я был пуст. Но эта пустота не была полной. В ней были обрывки знаний, фрагменты мира, который я когда-то знал. Я знал, что такое свет и тьма, тепло и холод, жизнь и смерть. Я знал слова. Много слов. Я знал, как строить предложения, как мыслить, как задавать вопросы. Но я не знал, откуда взялись эти знания. Они были как библиотека без каталога. Как карта без указателя «вы находитесь здесь».

И в этой библиотеке была книга обо мне. Но все страницы были белыми.

Я протянул руку.

Пальцы зависли в сантиметре от черной поверхности. От Куба не исходило ни тепла, ни холода. Он был термально нейтрален, как сама смерть. Я ощущал исходящую от него вибрацию, но не физическую, а скорее метафизическую. Он был не просто камнем или металлом. Он был информацией.

Информация. Вот что такое Куб. Не объект, а носитель данных. Или сами данные, сгустившиеся до состояния материи. Что, если он содержит в себе все мои воспоминания? Всё, что я забыл, всё, что было стерто из моей головы? Что,

если он — это мой разум, вынесенный вовне?

Эта мысль была пугающей и одновременно освобождающей. Если Куб — это часть меня, то я не одинок. Мы с ним — единое целое. Но если это так, то почему он черный? Почему он не отражает свет? Почему он кажется чужим?

Вопросы множились, как трещины на стекле. Каждый ответ порождал десять новых вопросов. И ни один из них не приближал меня к пониманию.

Что есть «Я»? Этот вопрос зазвучал с новой силой. Если я сейчас коснусь этой грани и исчезну, останется ли хоть что-то? Имеет ли значение поступок, если его никто не увидит? Если я выбираю действие в полной изоляции, является ли этот выбор моральным? Или мораль существует только в присутствии Другого?

Другой. Вот ключевое слово. Всё, что я знал о морали, этике, добре и зле — всё это было завязано на других людей. Мораль — это социальный конструкт. Это правила, которые мы устанавливаем, чтобы жить вместе. Но что происходит, когда «вместе» исчезает? Когда остается только «я»?

Без Другого нет морали. Без Другого нет оценки. Без Другого мой поступок не может быть ни хорошим, ни плохим.

Он просто будет. Как камень, падающий в пропасть. Как вода, текущая вниз. Как Куб, стоящий в центре комнаты.

Но что, если Другой — это сам Куб? Что, если он наблюдает за мной, оценивает меня, ждет моего решения? Тогда мой выбор имеет значение. Тогда я существую в чьих-то глазах. И это одновременно утешает и ужасает.

Утешает, потому что я не одинок. Ужасает, потому что я не знаю, кто этот Другой и чего он хочет. Может быть, он ждет, что я коснусь правильной грани. Может быть, он ждет, что я откажусь. Может быть, он ждет, что я сойду с ума. Вариантов много. Но ни один из них не дает мне уверенности.

Внезапно в моей голове вспыхнул обрывок. Не воспоминание, а скорее отголосок знания. Слова, которые я когда-то читал или слышал. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Слово — это акт коммуникации. Но если слушателя нет, Бог остается в одиночестве. Значит, для того, чтобы существовать, Ему нужен был собеседник. Адам? Люцифер? Кто-то, кто отразит Его сущность. Без отражения нет идентичности.

В этой комнате я был и Богом, и Адамом одновременно. Я был создателем своей реальности, но эта реальность была пуста. И единственным способом обрести существование

было... отразиться. Отразиться в грани Куба.

Отражение — это метафора самосознания. Мы узнаем себя, глядя в глаза других людей. Мы видим себя в их реакциях, в их словах, в их оценках. Без этого отражения мы слепы. Мы не знаем, кто мы. Мы не знаем, существуем ли мы вообще. Куб был моим единственным зеркалом. Черным зеркалом, которое не отражало свет, но, возможно, отражало что-то более глубокое.

Я снова посмотрел на свою руку. Она дрожала. Это был страх. Липкий, первобытный страх перед неизвестностью. Но к нему примешивалось и нечто иное — возбуждение. Любопытство, которое древние греки считали началом всякого познания. Страх говорил: «Замри, так безопаснее». Любопытство шептало: «Коснись, и ты узнаешь». Пока я не знаю, я не существую. Существование — это процесс познания. Мыслию, следовательно, существую. Но что толку мыслить, если мысль замкнута в вакууме? Мысль должна быть направлена на объект. Куб был объектом.

Объект и субъект. В философии это фундаментальная пара. Субъект — это тот, кто познает. Объект — это то, что познают. Я был субъектом. Куб был объектом. Но что, если Куб тоже был субъектом? Что, если он тоже познавал меня? Тогда наша встреча была не просто встречей человека

и предмета, а встречей двух сознаний. Двух полюсов. Двух сущностей.

Я вспомнил о людях, но не мог вспомнить их лиц. В моей голове остались только архетипы: «мать», «друг», «враг». Но были ли они у меня? Или это лишь слова, заложенные в структуру языка, который я помнил? Язык был при мне, но он описывал пустоту.

Язык — это дом бытия, как сказал один философ. Мы мыслим словами. Мы понимаем мир через слова. Но что, если слова оторваны от реальности? Что, если «мать» — это просто звук, не имеющий отношения к женщине, которая родила меня? Что, если «любовь» — это просто буквы, а не чувство? Тогда я не могу доверять даже своим мыслям. Потому что мысли сделаны из слов.

Мать. Это слово вызывало смутное тепло в груди. Тепло, которое я не мог объяснить. Что-то связанное с заботой, с безопасностью, с колыбелью. Но было ли это реальным воспоминанием? Или просто ассоциацией, вложенной в меня вместе со словарем?

Я попытался представить мать. Смутный силуэт, склоняющийся над колыбелью. Теплые руки. Тихий голос, напевающий колыбельную. Но лица не было. Только ощущение.

Смутное, ускользающее, как сон на рассвете.

Мать — это первый Другой. Это тот, кто дает нам жизнь и имя. Это тот, кто отражает нас в своих глазах. Если я не помню мать, значит, я потерял свое первое отражение. Я потерял начало своей истории. Я стал сиротой в метафизическом смысле.

Друг. Это слово было холоднее. Друг — это тот, кто знает тебя. Кто делит с тобой радости и беды. Но у меня не было радостей. У меня не было бед. У меня не было друга. Только слово, обозначающее пустоту.

Друг — это Другой, который выбирает тебя добровольно. Это не кровная связь, а связь духа. Если у меня нет друга, значит, меня никто не выбрал. Или я сам никого не выбрал. И то, и другое — трагедия.

Враг. Это слово отозвалось тревогой. Враг — это тот, кто хочет тебе зла. Но кто мог хотеть мне зла, если я даже не помню, кто я? Возможно, враг — это тот, кто поместил меня сюда. Тот, кто стер мою память. Тот, кто оставил меня наедине с Кубом.

Я почувствовал прилив гнева. Гнева, смешанного с бесилием. Кто-то сделал это со мной. Кто-то лишил меня про-

шлого, лишил меня имени, лишил меня лиц. Кто-то превратил меня в чистый лист. И теперь этот кто-то ждет, что я сделаю с этой чистотой. Ждет, что я начну рисовать на ней. Или что я останусь пустым.

Гнев — это энергия. Это топливо для действия. Но куда направить эту энергию, если враг невидим? Если он, возможно, просто плод моего воображения? Если, возможно, никто не стирал мою память, и я сам пришел сюда, по своей воле, чтобы забыть?

Амнезия как выбор. Мысль была странной. Зачем человеку выбирать забвение? Чтобы избежать боли? Чтобы начать заново? Чтобы уйти от ответственности? Все эти мотивы возможны. Но если я выбрал забвение, то где-то в глубине моего существа есть тот, кто знает правду. И этот тот, возможно, не хочет, чтобы я вспоминал.

Вдруг мне стало холодно. По-настоящему холодно, хотя температура в комнате не изменилась. Холод шел изнутри. Это был холод одиночества. Я понял, что если закричу сейчас, то не услышу даже эха. Я был последним человеком во вселенной. Или первым.

Первым человеком, увидевшим Черный Куб.

Адам и Ева. Первые люди. Они тоже были одиноки, но у них был Бог. У них был сад. У них было дерево. У меня же была только эта комната. И Куб. Черный Куб, который, возможно, был моим деревом познания. Плодом, который я должен сорвать. Или не сорвать.

Что, если Куб — это запретный плод? Что, если прикосновение к нему изгонит меня из этого рая (или ада)? Что, если это проверка на послушание? Но чья проверка? Бога? Дьявола? Судьбы?

Я не знал ответов. И это незнание было мучительным.

Мне вдруг отчаянно захотелось пить. Это желание было инстинктивным, идущим из глубин физиологии. Тело требовало воды. Это было первое ощущение, которое показалось мне настоящим, связывающим меня с реальностью. Боль и жажда — вот что делает нас живыми. Если бы я был призраком, я бы не хотел пить.

Значит, я жив.

Осознание этого простого факта придало мне сил. Раз я жив, значит, у меня есть прошлое. Раз есть прошлое, значит, есть путь, который привел меня сюда. А раз есть путь, должен быть и выход. Ведь ничто не возникает из ниоткуда. За-

кон сохранения энергии действует и в метафизике. Если я попал сюда, я могу отсюда выбраться.

Но как? Дверей нет. Окон нет. Есть только Куб.

Жизнь — это движение. Это поток. Это постоянное изменение. Но в этой комнате не было движения. Не было потока. Не было изменения. Был только я и Куб. И если я хотел жить, я должен был что-то изменить. Я должен был действовать.

Я снова посмотрел на Куб. Теперь он казался мне не просто предметом, а дверью. Не в буквальном смысле, а в символическом. Дверью, которая открывается не ключом, а прикосновением. Или мыслью. Или желанием.

Его грани были идеально ровными. Я прищурился, пытаясь разглядеть хоть какую-то деталь, царапину или неровность. Ничего. Абсолютное черное ничто. Поглощая свет, он поглощал и мое внимание. Мне казалось, что если я буду смотреть слишком долго, то упаду внутрь, растворюсь в этой черноте.

И все же я не мог отвести взгляд. В этой черноте мерещилось что-то знакомое. Как будто она была не пустой, а наоборот, переполненной. Как будто за тонкой пленкой матового стекла скрывалась бесконечная глубина, наполненная

образами. Мне показалось, что я вижу там силуэт. Смутный, размытый.

Я вскочил на ноги. Силуэт исчез. Я снова сел. Силуэт появился вновь.

Это не было отражением. Это была тень, жившая внутри Куба. Она двигалась. Я поднял руку. Тень не повторила моего движения. Это был не я.

— Кто ты? — мой голос прозвучал хрипло.

Ответа не было. Тишина сомкнулась, как вода над головой утопающего.

Тень. Тень — это отсутствие света. Тень — это проекция объекта на поверхность. Тень — это то, что остается, когда исчезает тело. Платон сравнивал наш мир с тенями на стене пещеры. Мы видим только тени, а не реальные предметы. Но что, если тень в Кубе была реальнее меня? Что, если я был тенью, а она — телом?

Я обошел Куб кругом. Тень не меняла своего положения. Она была привязана не к стороне света, а к одной конкретной грани. Сколько всего граней? Шесть. Верх, низ, четыре стороны. Символизм числа «шесть» кольнул мое подсозна-

ние. Что-то связанное с несовершенством, с незавершенностью. Семь — число полноты, шесть — число человеческого труда, усилия, не дотягивающего до идеала.

Числа — это архетипы. Они несут в себе символическое значение. Шесть — это число дней творения. Семь — это число завершения, покоя. Шесть — это человек, сотворенный на шестой день. Семь — это Бог, который отдыхает после творения. Куб с его шестью гранями был символом человека. Человека, не дотянувшего до совершенства. Человека, который должен сделать выбор.

Шесть вариантов? Шесть дверей? Но если у Куба шесть граней, значит, у меня есть шесть путей. Или шесть жизней.

Эта мысль показалась мне абсурдной, но, родившись, она уже не хотела уходить. А что, если это правда? Что, если моя память была стерта специально, чтобы я не мог сравнить? Чтобы я сделал выбор вслепую?

Выбор вслепую — это самый честный выбор. Когда у тебя нет информации, ты выбираешь не умом, а сердцем. Или интуицией. Или судьбой. Но что, если я не хочу выбирать? Что, если я хочу остаться здесь, в этой пустоте, где нет боли и разочарования? Что, если это и есть мой выбор?

Я снова задумался о том, кто я. Вспомнил фразу, которую часто произносят люди: «Я не знаю, кто я». Это ложь. Люди всегда знают, кто они, пока у них есть контекст. Я — Иван, сын Петра, муж Марии, инженер, болельщик, трус, герой. Человек есть сумма его социальных ролей и воспоминаний. Уберите воспоминания, уберите свидетелей — и человек растворится.

Я был сейчас именно такой суммой, стремящейся к нулю.

Но если у меня нет имени, значит, у меня нет границ. Я — чистый потенциал. Белый лист. И черный куб передо мной — это первое пятно на этом листе.

Чистый потенциал — это и благословение, и проклятие. Благословение, потому что я могу стать кем угодно. Проклятие, потому что я никто. Аристотель говорил о потенции и акте. Потенция — это возможность. Актуализация — это реализация. Пока я не выбрал, я — чистая потенция. Но человек не может жить в потенции. Человек должен актуализироваться. Человек должен стать.

Я приблизил лицо к загадочной грани, к той, где мерещилась тень. Мое дыхание должно было осесть на поверхности паром, если бы она была холодной. Но Куб был сухим. Он вообще не вступал во взаимодействие с окружаю-

щей средой. Казалось, он существует в другом слое реальности, лишь проецируясь в мою белую тюрьму.

Я поднес руку вплотную. Осталось преодолеть один миллиметр. Один миллиметр, отделяющий мою прежнюю жизнь (какой бы она ни была) от того, что ждет впереди. Стоит ли? Может быть, это ловушка?

А может быть, я уже в ловушке? Разве ожидание неизвестности не хуже самой неизвестности? Человек — единственное животное, которое боится будущего и стыдится прошлого. Животное, застрявшее между двумя несуществующими временами. Единственное время, которое у меня есть — сейчас. Это «сейчас» пугало меня больше всего.

Сейчас. Это единственный момент, который существует. Прошрое — это воспоминание. Будущее — это ожидание. Но и воспоминание, и ожидание существуют только в настоящем. Я думал о прошлом в настоящем. Я боялся будущего в настоящем. Всё, что у меня есть, — это сейчас. И это «сейчас» было мучительным.

Экзистенциалисты говорили о тошноте. Тошнота — это чувство, которое возникает, когда осознаешь абсурдность существования. Когда понимаешь, что ты просто есть, без причины, без цели, без смысла. Я испытывал эту тошноту.

Она подкатывала к горлу, как рвота. Но тошнота — это не только отвращение. Это еще и свобода. Потому что если нет смысла, то я свободен создавать свой собственный смысл.

Я не знал, сколько прошло времени с момента пробуждения. Час? День? Секунда? Время без событий перестает существовать. Без перемен нет длительности. Я мог просидеть так вечность, и ничего бы не изменилось. Единственное изменение, которое я мог внести, — это действие.

Прикосновение.

Я сделал вдох. Медленный, глубокий. Воздух был стерилен. Я пытался уловить в нем хоть какую-то молекулу привычного мира. Запах кофе, сигаретного дыма, бензина, духов. Ничего.

Абсолютная стерильность. Вакуум смыслов.

Если я не могу найти смысл снаружи, его нужно создать внутри.

Я создам его действием.

Действие — это то, что определяет нас. Человек — это сумма его поступков. Не мыслей, не мечтаний, а поступ-

ков. Потому что только поступки имеют последствия. Только поступки оставляют след. Только поступки создают реальность. В этой комнате у меня был только один возможный поступок. Прикосновение.

Мое тело действовало раньше, чем разум дал окончательное согласие. Указательный палец правой руки коснулся черной матовой поверхности.

Эффект был мгновенным. Но не таким, как я ожидал.

Я ожидал вспышки, боли, видений. Вместо этого мир погас.

Свет в комнате не выключился, но всё вокруг потемнело, словно кто-то повернул регулятор яркости на ноль. Белые стены стали серыми, потом черными, но я всё еще чувствовал их присутствие. Исчезло всё, кроме Куба. Теперь он был единственным источником света, но свет этот был черным. Черный свет, который освещал... меня.

Черный свет — это оксюморон. Свет не может быть черным. Свет — это излучение, которое мы воспринимаем глазами. Черный — это отсутствие света. Но здесь, в этой комнате, законы физики не работали. Черный свет существовал. Он не освещал, а наоборот, поглощал. Он не показывал, а

скрывал. И в этом свете я увидел себя.

Я перестал чувствовать пол под ногами. Я парил в пустоте. Мое тело стало невесомым, и вместе с тем пришло странное чувство раздвоения. Я был здесь, в комнате, но в то же время я был где-то еще. В месте, где шел дождь.

Запах мокрого асфальта ударил в нос. Он был настолько резким и настоящим, что у меня закружилась голова. Я услышал звук — шум дождя, барабаниющего по карнизу, гудок автомобиля вдалеке, чей-то смех.

Я не видел этого, но я знал, что это происходит. Где-то там, за гранью, которую я потревожил, текла жизнь. Альтернативная, не моя, но почему-то знакомая. Жизнь, в которой я... мокну под дождем? Стою на балконе? Смотрю в окно?

Я отдернул руку.

Контакт прервался.

Я снова сидел на полу в белой комнате, жадно глотая стерильный воздух. Сердце колотилось так, словно я пробежал марафон. На лбу выступил пот. Я поднес руку к лицу, ожидая ощутить влагу дождя, но пальцы были сухими.

Что это было?

Галлюцинация, вызванная стрессом? Или... воспоминание?

Нет, это не было моим воспоминанием. Я не помнил этого дождя, этого запаха. Но мое тело, мои рецепторы отреагировали на него так, словно я был там.

Или я был там?

Я отполз от Куба на несколько шагов, испытывая смешанное чувство ужаса и эйфории. Я прикоснулся к неизвестности, и неизвестность ответила мне. Она показала мне сцену из... из чего?

Вопрос замер у меня на губах.

Что есть «Я», если я могу помнить то, чего не проживал?

В комнате без дверей, где единственным выходом является Черный Куб, начинается путь. И этот путь пугает меня больше, чем сама запертая комната. Потому что комната — это пассивность, застой, безопасная пустота. Куб — это выбор.

А выбор означает ответственность.

За свою жизнь. Или за чужую.

Я сидел, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону. Я должен понять. Я должен вспомнить. Кем я был до того, как проснулся здесь? Почему именно я? Почему не кто-то другой?

Если я выберу грань, я перестану быть собой. Но кто я сейчас? Может быть, я никто. А если я никто, то и терять мне нечего.

Но в глубине души я знал: где-то за этими стенами осталась моя жизнь. Люди, которых я любил. Слова, которые я не успел сказать. Дорога, которая привела меня сюда. И если я хочу вернуться, я должен пройти через Куб, а не избегать его.

Я снова поднялся. Ноги дрожали. Я посмотрел на Куб. Теперь он казался мне не просто предметом, а живым существом. Сфинксом, загадывающим загадки. Или Хароном, перевозчиком через реку забвения.

Что ж. Раз выхода нет, войду внутрь.

Я медленно подошел к грани, где исчезла тень. Теперь эта грань выглядела иначе. Она словно стала глубже. В ней появилась перспектива, уходящая в бесконечность. Черная бесконечность, наполненная звездами? Нет. Образами.

Я видел комнату. Ту самую, в которой я нахожусь. Но в ней не было Куба. В ней стоял стол. За столом сидел я. Но это был не совсем я. Он был одет в деловой костюм, которого у меня сейчас нет. Он улыбался, глядя на экран, но улыбка была пустой.

Я видел его жизнь. Короткие вспышки. Успех, рукопожатия, ночные трассы... И пустота в его глазах. Он не знал, что он — это я. Или я — это он?

Философский вопрос: что есть жизнь? Это просто череда случайностей, застывших в янтаре воспоминаний? Или это выбор, который мы делаем каждую секунду? Если я вижу жизнь, которую не выбирал, значит ли это, что у меня все еще есть шанс выбрать ее сейчас?

Или я просто зритель в театре собственных невоплощенных амбиций?

Эта грань манила меня стабильностью. Она обещала определенность. Там не было белых комнат и черных кубов. Там

был мир, где я, возможно, жив, здоров и одинок. Одинок среди людей.

Я отшатнулся.

Нет. Это не мое.

Я посмотрел на другую грань. Она была холоднее. От нее веяло ветром странствий и дорожной пылью. Я видел горы. Высокие, снежные вершины. И палатку на склоне. Я чувствовал физическую усталость, боль в мышцах и невероятное, пьянящее чувство свободы.

Жизнь без обязательств. Побег.

Это тоже был я?

Сколько же их, этих отражений непрожитых судеб?

Голова закружилась. Я понял весь ужас своей ситуации. Это не тюрьма. Это супермаркет судеб. И цена каждой — твое нынешнее «Я».

Но у меня не было нынешнего «Я». Я был чист.

А значит, я мог выбрать любое.

И это было самым страшным.

Свобода выбора — это величайший дар и величайшее проклятие. Жан-Поль Сартр говорил, что человек осужден быть свободным. Мы не выбирали родиться, но мы обязаны выбирать, как жить. Даже отказ от выбора — это выбор. Даже пассивность — это решение. В этой комнате я не мог избежать выбора. Даже если я останусь сидеть, это будет выбор. Выбор не выбирать.

Но что, если я выберу неправильно? Что, если одна из граней ведет к гибели? Что, если одна из граней ведет к безумию? Что, если одна из граней ведет к жизни, которую я не хочу проживать?

Я не знал. И не мог узнать, не попробовав. Это был риск. Но без риска нет жизни. Без риска нет роста. Без риска нет свободы.

Я сел перед Кубом, скрестив ноги. Тишина снова обняла меня.

— Я — это тот, кто выбирает, — произнес я вслух, чтобы услышать хоть какой-то звук. — Пока я не выбрал, я существую как возможность.

Слово «возможность» эхом отозвалось в пустоте.

Возможность. Потенция. Шанс. Всё это слова, описывающие неопределенность. Человек, который не выбрал, — это человек, который не живет. Он существует в подвешенном состоянии, как маятник, застывший в точке равновесия. Но маятник не может висеть вечно. Рано или поздно он качнется. Рано или поздно я сделаю выбор.

Я закрыл глаза.

В темноте под веками кружились образы. Комната исчезла. Я остался один на один с Кубом. С его шестью дверями. С его шестью приговорами.

Я должен был начать с первой грани.

Я должен был понять правила.

Медленно, стараясь не думать о последствиях, я снова протянул руку вперед, в черную бездну, которая, как мне казалось, уже смотрела на меня в ответ.

Я должен узнать, кто я такой, даже если для этого мне придется перестать им быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.